

— Сяо Чэнь — будущий президент Корпорации Чжо. Ещё с тех пор, как он учился в университете, они с отцом договорились, что в тридцать лет он вернётся домой, чтобы встать у руля компании. Поэтому все эти годы мы не вмешивались в его личную жизнь. Но... — Чэнь Сытин наконец подошла к сути, однако заколебалась, и решимость, которую она только что обрела, мгновенно улетучилась. — Но...

Глядя на её нерешительное выражение лица, я почувствовал, как сердце внутри холодеет всё сильнее. Я пытался выдавить из себя улыбку, но как бы ни старался, ничего не вышло. Подавив дрожь в голосе, я с трудом произнёс:

— Но вы знаете, что он со мной, поэтому...

— Дитя, ты меня неправильно понял. На самом деле я вовсе не против вас, — увидев моё бессильное, бледное лицо, Чэнь Сытин поспешила оправдаться. — Против вас выступает его отец. Несколько дней назад они уже поссорились из-за тебя, и дошло до того, что у него случился сердечный приступ. Я не хочу видеть, как отец и сын становятся врагами, поэтому и решила прийти к тебе.

Я промолчал. Она выразилась довольно мягко, но разве я мог не понять скрытого смысла?

Видя, что Ханьче не собирается отвечать, ей пришлось продолжить разговор самой:

— Скажу прямо: его отец против ваших отношений. Он даже заявил, что если сын продолжит упорствовать, то он, не задумываясь, уничтожит всё, что тебе дорого: твоих друзей, твою компанию — всё, что с тобой связано. Он превратит твою жизнь в руины, чтобы Сяо Чэнь наконец стал послушным сыном!

— Что? — услышав эти слова, я резко поднял голову и уставился на неё, не в силах поверить в услышанное. Чэнь был таким открытым и благородным человеком, как же его отец мог быть настолько неразумным и жестоким? Почему люди, будучи одного вида, настолько отличаются друг от друга?

— Не сомневайся, он именно такой человек. Если сказал — значит, сделает. В своё время, когда он только начал ухаживать за мной, он безжалостно расправлялся с любым мужчиной, который проявлял ко мне хоть малейший интерес. К счастью, я в итоге полюбила его сама. Если бы этого не случилось, возможно, он не остановился бы ни перед чем, чтобы уничтожить и меня, — вспомнив одно давнее недопонимание, Чэнь Сытин до сих пор не могла избавиться от страха. — Корпорация Чжо стала легальной именно в его руках. Раньше он был главой азиатского подполья, и его боялись как в криминальном мире, так и в высшем обществе. Я боюсь, что он придумает что-то ужасное, чтобы расправиться с тобой. Я...

— Тётушка, если есть что сказать — говорите прямо. Я выдержу, — в этом мы с Чэнем, пожалуй, похожи. Когда он добивался меня, он был столь же безумен и напорист. Он избавлялся от любого, кто приближался ко мне — будь то мужчина или женщина. Даже сейчас, кроме Се Цзяня, он остаётся властным и проявляет ко мне жуткую собственническую

натуру. Они и вправду отец и сын, истинно похожие друг на друга.

— Расстаньтесь!

— ... — Это слово прозвучало так прямо, так холодно и так страшно. Чёрная дыра внутри меня тут же поглотила мою душу. Расстаться? Если не будет Чэня, куда мне идти? Я жил ради него, моя жизнь была светлой только благодаря ему. Мир без него — это лишь тьма. Есть ли тогда вообще смысл жить?

— Умоляю тебя, — опустившись на колени перед Ханьче, Чэнь Сытин чувствовала жалость к этому юноше, но в её сердце муж, сын и мир в семье были важнее. Поэтому, несмотря на секундное колебание, чаша весов, на которой лежали любовь и родственные узы, перевесила жалость к незнакомцу. — Расстаньтесь! Если ты непустишь Сяо Чэня, он ни за что не вернётся к нам. Ради тебя он пойдёт на разрыв с отцом, а ради него отец непременно избавится от тебя. Посчитай, что я прошу тебя: Ханьче, не дай им стать врагами, хорошо?

— ... — Я крепко сжал кулаки, изо всех сил подавляя страх в груди. Глядя на женщину, которая так отчаянно просила меня о чём-то, я не двинулся, чтобы помочь ей подняться. Боялся, что если пошевелюсь, то не сдержусь, закричу и начну её винить. Вместо этого я произнёс очень жёстким голосом: — Тётушка, встаньте. На это тяжело смотреть.

— Ты согласился? Да? — Глядя на окаменевшее лицо и бледные щеки Ханьче, Чэнь Сытин почувствовала глубокую вину. Она мягко добавила: — Прости! Мне очень, очень жаль!

— ... — Я сирота и с самого детства завидовал тем, у кого были идеальные, полные, гармоничные и благополучные семьи. Поэтому я не мог разрушить дом Чэня. Но... но ведь только утром мы договорились, что будем вместе и в этой жизни, и в следующей. Если я нарушу слово, что будет с Чэнем?

— Ханьче... Ханьче... — Видя, что он долго молчит, Чэнь Сытин забеспокоилась. Не перегнула ли она палку?

— Я... — Я посмотрел в её молящие глаза. Это была мать и женщина, которая решила на такое только ради сына и мужа. Может, мне и правда не стоило присваивать Чэня себе? Может, я... Но без него я уже не я. Ох... может, есть другой способ? Я не могу родить ему детей, но ведь у нас были десять счастливых лет, не так ли? Этого хватит, чтобы греться воспоминаниями до конца дней. Этого достаточно. Пришло время отпустить, но как же мне горько... — Тётушка, я согласен, — сказал я с горечью. — Но я хочу провести с Чэнем последний месяц. Можно?

— Прости, дитя, мне очень жаль, очень жаль, — не желая смотреть на это вызывающее жалость лицо, Чэнь Сытин продолжала извиняться. Но дело сделано, и слова уже ничего не значили. Выразив свои глубочайшие сожаления, она поспешно ушла.

— Прости... прости...

Я с сарказмом повторял это извинение. Если бы извинения помогали, разве убийцам нужно было бы искупать вину? Я встал, оставил на столе достаточно денег и собрался уходить, но пара женских туфель на высоких каблуках преградила мне путь, заставив снова упасть в кресло. Я поднял голову и остолбенел: передо мной было лицо, почти идентичное моему.

* * *

Я шёл по улице в полном оцепенении. Всё, что случилось сегодня, было настолько неожиданным... Оказалось, что я вовсе не сирота, и у меня даже есть сестра. Хотя мы не близнецы, наши лица были так похожи, что я не мог не поверить её словам...

Столько лет я пробивался по жизни в одиночку, а сегодня кто-то пришёл и сказал, что она моя родная кровь. Не знаю, плакать мне или смеяться. Мне всё равно, остались ли у меня ещё родственники, всё равно, почему они меня бросили. Я дорожил только своей нынешней жизнью. Но... кажется, продолжать жить так, как раньше, я больше не могу.

Я всегда знал, что однажды мне придётся расстаться с Чэнем. Знал, что этот день неизбежен, но не ожидал, что он настанет так быстро и так внезапно. У меня не было ни моральной подготовки, ни сил для сопротивления.

Чувство, когда хочется плакать, но нельзя, оказалось таким жгучим. Слезы текли лишь внутри сердца, боль застревала в горле, а раны приходилось зализывать в одиночку...

Дзинь... дзинь... дзинь...

В кармане зазвонил телефон. Достав его, я увидел имя Чэня. Слегка подняв голову, чтобы успокоить сумбур в мыслях, я ответил:

— Чэнь!

— Хань, ты чем занят? Уже три часа дня! Собирайся и скорее приезжай, я попросил А-К ждать тебя у входа!

— Уже три часа? — Мне казалось, прошло не больше пары минут, а обеденный перерыв давно закончился. Я посмотрел на свои пустые руки — обед, который я упаковал для Се Цзяня, неизвестно куда исчез.

— Хань, что с тобой? Всё в порядке? — Не дождавшись ответа, Чжо Аочэнь невольно повысил голос.

— О, всё хорошо, — я слегка улыбнулся, не желая, чтобы моё настроение передалось ему. — Чэнь, удачи тебе! Я обязательно приду вовремя!

— Хорошо, не забудь, — он ещё раз повторил, беспокоясь, что Ханьче может забыть.

— Хорошо, я понял! — Я представил выражение лица человека на другом конце провода и невольно улыбнулся. — Чэнь, пока есть время, хорошенько отдохни. Вечером ты должен быть в лучшей форме!

— Есть, малыш! Иди сюда, поцелую!

— Ну ты даёшь, — слушая громкий звук поцелуя из телефона, я покачал головой и усмехнулся.
— Вешаю трубку, увидимся вечером!

— Увидимся!

Когда связь прервалась, улыбка на моём лице снова исчезла. Я не мог позволить ему винить своих родителей, не мог допустить, чтобы из-за меня в их семье произошёл разлад. Только... долго ли я смогу притворяться перед ним? Боюсь, даже этот месяц покажется мне вечностью...

Покачав головой и стараясь не думать о разговоре с матерью Чэня, я зашёл в кондитерскую у дороги, чтобы купить Се Цзяню пирожных, надеясь, что он не будет сердиться. Хотя, с его проницательностью, смогу ли я его обмануть? С Чэнем я мог притвориться или подурочиться, но перед ним я даже не знал, как скрыть правду.

Только я подошёл к зданию компании, как из лифта выскочил Се Цзянь и чуть не столкнулся со мной. Я приподнял пакет в руках и сказал:

— Цзянь, извини, задержался по делам. Ты не очень голоден?

— Хань, ты в порядке? Выглядишь как-то неважно, — он взял пакет и с беспокойством оглядел меня. Кто бы знал, что его «немного задержался» растянулось на два с лишним часа.

— Всё хорошо, — я смотрел куда угодно, но только не в его глаза.

— Правда? — Се Цзянь, разумеется, не поверил в мою неуклюжую ложь. Никто бы не поверил, глядя на меня. Но раз я не хотел говорить, он не стал настаивать. Он кивнул: — Хань, пойдём в офис.

— Хорошо, — лифт как раз спустился. Я вошёл первым, нажал кнопку нужного этажа и замер в ожидании. Глядя, как цифры медленно растут, я чувствовал, как беспокойство внутри меня нарастает...

— Цзянь, знаешь... я не сирота. У меня есть семья, — наконец, под его внимательным взглядом, я был вынужден признаться. Зажмурившись, я добавил с болью: — Сегодня днём я встретил свою сестру. Она выглядит почти так же, как я, и я не могу не верить в то, что она моя родная кровь. Цзянь, скажи, что мне делать?

Дзинь...

Услышав сигнал лифта, сообщающий о прибытии, я повернул голову и улыбнулся ему:

— На самом деле, иметь ещё одного любящего человека — это ведь неплохо, правда?

— Конечно, это не плохо, — Се Цзянь едва заметно вздохнул. Ханьче всегда плохо скрывал свои чувства, как и свою любовь: любил — значит любил, не любил — значит не любил. А теперь он научился уходить от ответов. Что же произошло сегодня? Почему он стал таким непонятным? Раньше Се Цзянь считал, что хорошо понимает Ханьче, но сейчас видел, что это не так. По крайней мере, в некоторых аспектах он никогда не сможет постичь его сердце.

* * *

Потому что есть ты, моя жизнь стала полной.

Потому что есть ты, моя жизнь безупречна.

Ради тебя я готов отказаться от всего.

Ради тебя я готов отдать всю свою жизнь.

Поэтому, мой дорогой, прошу, не бросай меня, не уходи.

Никто, кроме тебя, не дарит мне этого тепла.

Потому что есть ты, радость всегда со мной.

Потому что есть ты, я счастливее всех на свете.

Ради тебя я могу забыть обо всём.

Ради тебя я могу пожертвовать всем.

Поэтому, мой дорогой, продолжай любить, не уставай и не грусти.

Никого, кроме тебя, я не смогу полюбить.

Потому что люблю тебя — и могу любить только тебя, в круговороте перерождений моя любовь неизменна.

Потому что люблю тебя — я готов отдать всё, и даже сам круговорот жизни не заставит меня отказаться от этой любви.

Малыш, ты согласен?

Пожалуйста, будь всегда рядом, и я сделаю всё возможное, чтобы ты был счастлив вечно!

Глядя на яркую сцену, где Чэнь исполнял свои энергичные песни, особенно эту, я был глубоко тронут. Эту песню он написал специально для меня. На самом деле, чувства, выраженные в тексте, — это и есть то, что мы испытываем друг к другу. Песня «Потому что есть ты» опьянила моё сердце и вызвала слёзы. Я смотрел на него, такого ослепительного и свободного, и вдруг мне показалось, что даже без меня его жизнь останется такой же яркой... Только вот я уверен: в дни без него я не смогу быть таким свободным.

— Ао, я люблю тебя...

— Ао, я люблю тебя...

— Ао...

— ...

Слушая шум вокруг и крики фанатов, один громче другого, я понимал, насколько огромна его харизма. Чувствуя всеобщую любовь и обожание к нему, я вдруг почувствовал себя отвратительным. Как я могу присвоить его себе? Как могу позволить ему погрузиться в эти чувства, которые не принимает мир? Неужели я и правда такой злой? В ушах снова зазвучал голос матери Чэня, перед глазами замелькали сцены: Чэнь, полный раскаяния; его гневный взгляд; его решимость ненавидеть меня. Я ничего не боялся, кроме того, что он будет винить меня в том, что я стал его бременем, что заставил полюбить себя, что не смог родить ему детей, что втянул в эти чувства...

Сильное чувство вины разъедало моё сердце, я не мог остановить дрожь. Мне хотелось сбежать отсюда. Внезапно шум на сцене и в зале стих. Чэнь смотрел на меня с нежностью, и моё сердце болезненно сжалось. Что он собирается делать?

— Любимый, ты слышишь? — Чжо Аочэнь, сжимая в руке микрофон, нежно смотрел на Ханя. Хотя он находился далеко и не мог обнять его, его сердце было наполнено счастьем. Он так хотел, чтобы Хань стоял рядом с ним здесь, перед всеми, чтобы провозгласить их любовь и заставить всех завидовать им. — Эта песня — голос наших сердец. Сегодня, в это мгновение, я пою её тебе, надеясь, что наша любовь продлится вечно. Ты — моё счастье. Пока ты рядом, я счастлив. Правда. Я люблю тебя, Хань!

— ...

Прикрыв рот рукой, чтобы не зарыдать, я не мог представить, что он признается в любви при стольких людях и журналистах. Его мысли были для меня загадкой, но я понимал одно: он любит меня так же сильно, как я его!

— Нет, Ао, нельзя...

— Ао, я люблю тебя, ты не можешь любить другого...

— Ао... нельзя...

— Ао...

Как только Чэнь закончил, толпа вокруг взорвалась. Плач перекрыл радостные крики: все не могли смириться с тем фактом, что у Чэня есть любимый человек.

— Простите, — он искренне поклонился толпе, всё так же улыбаясь, несмотря на все их эмоции. Ему было наплевать на чувства других, но он был очень доволен реакцией Ханя. — Я надеюсь, вы сможете принять мою любовь. Конечно, если вы не можете смириться с тем, что у меня есть любимый человек, я готов уйти из индустрии развлечений. В будущем вы больше не увидите моих новостей ни в одном издании!

— Нет, Ао, ты не можешь уйти, мы принимаем всё!

— Мы согласны!

— Мы поддержим тебя!

— Ао, мы любим тебя!

Не знаю, кто первым начал кричать в поддержку, но вскоре крики одобрения посыпались со всех сторон. От неприятия до принятия прошёл всего миг — харизма и дерзость Чэня покорили всех, а я снова был покорён им...

Я тихо встал и, оставив позади шум и веселье, молча вышел из концертного зала. Я не мог позволить ему оказаться под шквалом обвинений. Если бы он был обычным человеком, наша любовь, возможно, дожила бы до конца дней. Но он такой необыкновенный, такой яркий — как я могу тянуть его на дно?

Обернувшись на освещённые огнями здания и фейерверки в небе, я больше не мог сдерживать муки внутри. Чэнь, не ненавижь меня. Что бы ни случилось в будущем, умоляю, не ненавижь! Только... если ненависть ко мне станет твоим двигателем, я приму её. Но, пожалуйста, не ненавижь слишком долго. Если так случится, ты устанешь, очень устанешь, а я не хочу, чтобы ты так страдал. Поверь, где бы я ни был, в моём сердце только ты. Человек, которого я люблю — только ты.

* * *

Я бродил по улицам, не зная, куда иду. Телефон в кармане не умолкал, но у меня не было желания отвечать. Звонить могли только четверо: Чэнь, Цзянь, директор детдома и глава компании. В моём списке контактов были только они. Чаще всего, конечно, звонил Чэнь.

Не знаю, сколько времени прошло, когда я остановился, уставший, и посмотрел на звёздное

небо. Никто не мог почувствовать мою печаль, никто не знал моих мыслей. Они не могли их понять, не могли принять...

Появление матери Чэня всё же разрушило наше молчание о разлуке. Я мужчина и не могу родить ему детей. Я сирота и не забочусь о наследстве, но Чэнь — другой. Он единственный сын, его дом и дело нуждаются в наследнике, а этот наследник, конечно, будет рождён другой женщиной. Мне так больно! Стоит только представить, как он нежится в постели с кем-то другим, повторяя то, что обычно делал со мной, — я начинаю задыхаться!

В мире чувств нельзя допускать третьего лишнего и нельзя прощать предательство. Поэтому я не могу быть с ним и одновременно позволить ему быть с другими. Выбор очевиден: я должен жёстко отступить и заставить его возненавидеть меня!

Только вот... как заставить его меня возненавидеть?

Он знает обо мне всё, а о нём я, кажется, знаю не так много. Он знает, что я люблю его, что не могу без него, что моё сердце принадлежит ему. Точно так же он любит меня и не может без меня. Если я выберу смерть, я уверен — он пойдёт следом. Но я никогда не позволю ему умереть вместе со мной. Даже если я умру, он не узнает.

Раньше я думал, что мы будем вместе вечно, и всегда на это надеялся. Но когда беда пришла, я не смог ей противостоять. Как и тогда, когда полюбил его и решил быть с ним. Оглядываясь назад, я понимаю: что бы ни было в прошлом и что бы ни ждало в будущем, я ни о чём не жалею. Я люблю его, поэтому хочу, чтобы у него всё было хорошо. Особенно я хочу, чтобы в дни без меня его жизнь становилась только лучше. Без меня ему не нужно будет обращать внимание на странные взгляды, не нужно будет беспокоиться о том, что общество презирает его из-за меня. Поэтому... я уйду. Я буду соблюдать этот месячный срок. Хотя, может, и столько не понадобится. Я боюсь, что если время затянется, я не смогу уйти и в итоге погублю его вместе с собой. Поэтому — лучше закончить всё быстро!

<http://bllate.org/book/21153/2144345>